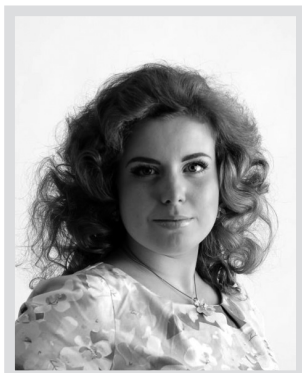

УДК 101.1:316

Эволюция религиозного сознания российского общества в советский период: тенденции, закономерности, проблемы**Насртдинова В.М.**

Соискатель кафедры религиоведения,
преподаватель кафедры иностранных языков
Казанского (Приволжского) федерального университета

В данной статье рассматриваются проявления религиозного сознания российского общества в советский период, описываемые явления анализируются в русле выделения тенденций, закономерностей, проблемного поля. Придя к выводу, что несмотря на декларативный доктринальный атеизм, религиозная компонента оставалась важной составляющей российского общественного сознания, автор выделяет ряд социокультурных и социально-политических детерминант, этому способствовавших.

Ключевые слова: российское религиозное сознание, российское общественное сознание, общественные отношения, социализм, атеизм, секулярные религии, советский период.

Все более заметной в системе общественного сознания современной России становится роль сознания религиозного. Корректная оценка наличествующих в религиозной сфере актуальных тенденций и процессов, равно как и попытки моделирования и прогнозирования относительно дальнейшего их развития, на наш взгляд, сопряжены с необходимостью обращения к реалиям советского времени как к онтологическому источнику, их фундировавшему.

Будучи государством программного атеизма, Советский Союз вел последовательную борьбу с религиозностью граждан, нашедшую свое выражение в комплексе хрестоматийных мер, не нуждающихся в специальном представлении. Однако несмотря на мощную идеологическую пропаганду и колоссальные усилия партийных функционеров, мы считаем, что из общественного сознания советской эпохи религия так никогда и не была окончательно элиминирована. Органически изменяясь, как в связи с довлеющей доктриной, так и в русле объективных секулярных процессов, инкорпорированность советских граждан в религиозную сферу существовала на протяжении всего, без малого семидесятилетнего периода власти Советов.

По данным, приводимым А.Л. Елисеевым, «23 мая 1929 г. на совещании узкого круга членов антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) под председа-

тельством Е. Ярославского констатировалось, что верующего населения в стране 80 %» [Цит. по: 1]. Оценивая эти данные, К.В. Цеханская подчеркивает, «что и эта цифра могла быть несколько заниженной, поскольку вряд ли в задачу атеистов входило признание того факта, что усилия по борьбе с религией не принесли желаемых результатов» [1]. Сформулированный главой Союза воинствующих безбожников Емельяном Ярославским термин «попы-передвижки» является дескрипцией масштабного явления, характерного для конца 20-х – начала 30-х гг.: множество священнослужителей, будучи лишенными легального права катехизаторской деятельности, передвигались по стране с проповедями, совершали надомные богослужения у прихожан; в буквальном смысле тайным становилось осуществление таинств. Уже с 1920-х гг. происходит оформление неоднозначных для оценки, но несомненных в духовно-культурной, устремленной в сферу сакрального сущности своей деятельности общин так называемой «Катакомбной церкви».

Значительным уровень религиозного сознания становится во время Великой Отечественной войны. Распространение эсхатологических настроений характерно для периодов крупных социальных катаклизмов, что делает обращение к религии понятным и предсказуемым. На уровне мифологического

(фольклорного) сознания типично понимание войн с одной стороны, как «наказания Божьего», «расплаты за грехи», что влечет появление мотивов раскаяния, смирения, а с другой – как античной метафизической стихии, в спасении от которой следует прибегать к другой силе, единственно равной ей в бытийственном могуществе – божественной.

После окончания Великой Отечественной войны заметную роль в формировании общественно-го сознания и привлечении социального внимания к религиозной тематике играют деятели культуры. Трансцендентные искания, как результат уникального экзистенциального опыта, очевидны уже в так называемой «литературе лейтенантов» – восприняв оставленную им жизнь как подарок свыше, *выжившие и вернувшиеся* напишут о «девушках, библейскими гвоздями/распятьх на райкомовских дверях» [2], назовут свои повести «Это мы, Господи» [3]; это в их произведениях исследователи обнаружат впоследствии «прямые параллели между советскими солдатами и Христом, <...> молоденький солдат, “смертию смерть поправ” у стен Брестской крепости, становился “Спасителем”, и его оплакивали женщины, среди которых, кажется, были и Богородица, и Мария Магдалина» [4]. В силу схожих причин звучат темы веры, праведности, совести в произведениях бывших узников ГУЛАГа, например, православно-патриотические идеи А.И. Солженицына; мотив обращения к Богу присутствует в произведениях В.Т. Шаламова, а сам он вспоминал впоследствии: «...более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Раствление охватило души всех, и только религиозники держались» [5].

Вопреки распространенному мнению, так называемая «хрущевская оттепель» далека от всепоглощающей либеральности – именно в это время, относимое Л. Митрохиным к эпохе «научного атеизма» [6], разворачивается антирелигиозная кампания, магистральным пунктом своим заявлявшая необходимость «развёртывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией» [7].

В рамках данной кампании производилось закрытие монастырей, увеличивался налоговый гнет для религиозных общин, осуществлялось уголовное преследование деятелей религиозных организаций, лишение родительских прав верующих, относящихся к т.н. «изуверским сектам» – пятидесятникам, адвентистам, свидетелям Иеговы и т.п. По словам Т.К. Никольской, эти и подобные меры стали одними из недальновидных решений, ускоривших крушение советского строя: «государство получило крайне нежелательные для себя нелегальные организации вроде СЦ ЕХБ и его аналогов в других конфессиях, состоящие из людей глубоко убежденных в своей правоте, жертвенных и дисциплинированных. До самого падения советской вла-

сти государство так и не смогло справиться с этими организациями» [8].

Социальные реалии эпохи «развитого социализма» или, по иным оценкам, «брежневского застоя» [9] детерминируют не только рост собственно диссидентского движения, но и увеличение заинтересованности общества в различных «опальных», «крамольных» вопросах, одним из которых, несомненно, является вопрос свободы совести, выбор нравственных ориентиров. В контексте таких общественных настроений все более частотным становится направленность взглядов граждан внутрь себя, рефлексия; типичными становятся размышления о вечном, поиск смысла жизни, с неизбежностью приводящие индивида в сферу религиозного.

Снятый в 1965 г. фильм А. Тарковского «Андрей Рублев», увиденный широкими слоями населения только более двадцати лет спустя, – разноплановая, многосложная картина, породившая дискуссии и споры, также представляет собой крупный феномен, маркирующий тенденцию наличия качественно неоднородного, но никуда не исчезающего интереса, внимания к религиозной тематике и проблематике.

С приближением перестройки данные настроения приобретали все большее число сторонников, укоренялись в сознании советских людей, всё более явно проявляясь в жизни общества, оформляясь, приобретая социальное звучание. Д.Е. Фурман в своей работе «Религия, атеизм и перестройка», изданной в 1989 г., так напишет об этом: «Если в конце 50-х – в 60-е гг. хрущевская либерализация в какой-то мере оживила веру в идеалы революции, то 70-е гг. стали годами крайнего разочарования интеллигенции в официальных лозунгах, когда какие-либо надежды на перемены к лучшему были утрачены. Между тем церковь – фактически единственная легальная организация с неофициальной и более того – противоположной официальной идеологией... В этой ситуации движение к церкви и религии становится совершенно естественным...» [10].

Итак, обращаясь к истории государственно-церковных отношений советского времени, мы находим подтверждение тезису, что вопреки гонениям и многочисленным мероприятиям, направленным на немедленное и категорическое её искоренение, религия (в широком смысле данного термина) оставалась важным слагаемым общественного сознания. Неудачи атеистической пропаганды по уничтожению феномена религии как такового не означали тем не менее безрезультатности этих усилий вообще. Следует понимать размывание знаний основ вероучений советскими людьми как один из логических результатов превалирования идеологии научного атеизма.

Однако каковы причины, в силу которых атеистическая программа социализма оказалась несо-

стоятельной в своем стремлении избавиться от религиозной компоненты общественного сознания?

Во-первых, критика православной церкви большевиками была основана преимущественно на директивном отождествлении РПЦ с «кровавым империализмом», «властью помещиков и эксплуататоров», «тяготами царского режима» в силу того, что православное христианство имело государственный статус. Таким образом, ни до, ни во время революции не существовало достаточных органических, внутриобщественных или собственно религиозных оснований для разрыва с религией широких слоев общества.

Во-вторых, православное христианство являет собой уникальный религиозно-философский концепт, концентрирующий многовековую память этноса, постулирующий основы национальной идентичности, роль которого невозможно переоценить, и которая, в свою очередь, несоизмерима, даже по исключительно временным меркам, с ролью марксистской идеологии, несмотря на известную прогрессивность последней.

В-третьих, заявляя пролетариат и крестьянство как целевую свою аудиторию, власть большевиков апеллировала к ним, суля, прежде всего, не абстрактные гражданские и политические свободы, но непосредственное улучшение финансовых, жилищно-бытовых, трудовых условий. Будучи далеки от понимания сути политической экономии, имея смутные представления о средствах производства, отчужденном труде и материалистическом понимании истории, эти люди, разумеется, восприняли насущные лозунги марксизма-ленинизма – «Землю – крестьянам, фабрики – рабочим, хлеб – голодным», а потому, получая обещанный хлеб по карточкам и талонам, люди не смогли воспринять данную идеологию как жизненное кредо, обращаясь к другим нравственным ориентирам.

В-четвертых, репрессивные меры и гонения на религию, предпринимавшиеся советским государством, демонстрируют незнание российской ментальности их инициаторами, ибо исторический опыт красноречиво доказывает, что различные «узники совести», жертвы политических репрессий, борцы за идею всегда вызывали сочувствие и симпатию в России. В качестве примеров можно приводить и декабристов, и народовольцев, и «врагов народа», осужденных по печально известной 58-й статье УК РСФСР. Таким образом, недальновидно превратив верующих и религиозных деятелей в мучеников, страдающих за идею, советская власть лишь катализировала реакцию интереса к их личностям, судьбам, учениям, убеждениям.

И, наконец, в-пятых, еще Н.А. Бердяев в своей работе «Социализм как религия» предложил рассматривать социализм как форму секулярной религии: «Социализм сразу же заявил претензию стать

религией для нового человечества и внутренняя связь его с религией не подлежит сомнению» [11].

В.Е. Касьянов, продолжая эту мысль, утверждает, что «в советский период шла борьба не атеизма с религией, а одной формы религии с другой» [12]; т.е. полное вытеснение одной из них было невозможно в силу объективных причин, как невозможна победа одного религиозного учения над другим.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходим к выводу, что целый комплекс объективных социально-исторических причин способствовал сохранению религиозной веры в сознании российских граждан. В числе таковых, на наш взгляд, могут быть названы:

- особая историческая роль православного христианства для российского общества;
- выполнение российской интеллигенцией роли хранителя основ духовной жизни общества;
- диалектическая природа марксизма, являющегося по сути секулярной религией
- объективный кризис марксистско-ленинской идеологии.

Литература:

1. Цеханская К.В. Россия: тенденции религиозности в XX веке (некоторые статистические данные) // Исторический вестник. – 2000. – № 5 / Сайт Воронежской епархии, ноябрь 2000 г. – URL: http://krotov.info/history/20/iz_istori/tsehans.html
2. Наровчатов С.С. «В те годы». – URL: <http://militera.lib.ru/poetry/russian/narovchatov/03.html>
3. Воробьев К.Д. Друг мой Момич: Повести. – М.: Современник, 1988. – URL: <http://lib.ru/PROZA/WOROBIEW/gospodi.txt>
4. Травина Е., Травин Д. Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе. – URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/7/tr10.html>
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. – М.: Художественная литература, Вагриус, 1998. – Т. 1. – 619 с.
6. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). – СПб.: ПХГИ, 1997. – 480 с.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 6. – М.: Политиздат, 1971. – 528 с.
8. Никольская Т.К. Кто такие отделённые? // Мирт (евангельская газета, СПб.). – 2001. – № 5 (30). – 126 с.
9. Горбачев М.С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза / Избранные речи и статьи. Т. 3. – М.: Политиздат, 1987. – 510 с.
10. Фурман Д.Е. Религия, атеизм и перестройка/ На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989. – 496 с.
11. Бердяев Н.А. Социализм как религия – URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_socializm_relig/
12. Касьянов В.Е. Эволюция религиозности в постсоветской России. Дис. ... канд. филос. наук. – URL: <http://dlib.rsl.ru/01002751796>

The Evolution of Religious Consciousness of Russian Society in Soviet Period: Tendencies, Common Factors, Problems

V.M. Nasrtdinova
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon religious consciousness of Russian society in Soviet period. The phenomenon is analyzed within the framework of its tendencies, common factors and problems. Having come to the conclusion that, notwithstanding declared doctrinal atheism, religion was an essential component of Russian social consciousness, the author outlines certain socio-cultural and socio-political determinants.

Key words: Russian religious consciousness, Russian social consciousness, public relations, socialism, atheism, secular tendencies, Soviet period.

